

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б97

Серия «Шелдон-exclusive»

Tilly Bagshawe

SIDNEY SHELDON'S

AFTER THE DARKNESS

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*

Компьютерный дизайн *Я.В. Паламарчук*

Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family
Limited Partnership и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Бэгшоу, Тилли.

Б97 Сидни Шелдон: После полуночи : [роман] /
Тилли Бэгшоу ; [пер. с англ. Т.А. Перцевой]. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. —
(Шелдон-exclusive).

ISBN 978-5-17-102175-7

Совсем недавно Грейс Брукштайн была наивной молодой женой обаятельного мультимиллионера Ленни. Совсем недавно она была уверена, что жизнь состоит лишь из радостей и развлечений...

Теперь у нее отняли все — деньги, положение в обществе, любимого мужа, свободу, надежду...

Нет больше наивной красавицы.

Есть мстительница, готовая на все, чтобы найти и покарать убийц Ленни.

Она поставит на карту и свою, и чужую жизнь. Будет лгать, интриговать и использовать мужчин.

Но она добьется справедливости, чего бы это ни стоило!..

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Sheldon Family Limited Partnership,
successor to the rights and interests
of Sidney Sheldon, 2010

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-102175-7

Выражаю искреннюю признательность семье Шелдон за доверие ко мне, поддержку и великодушие. Спасибо моим редакторам: Мэй Чен, Уэйну Бруксу, Саре Ритердон — и всем, кто так усердно работал над этой книгой. Моим агентам: Мортю Джанклоу, Тифу Ленису — и всем в «Джанклоу энд Несбит». Вы — лучшие. А также моей семье, особенно дорогим детям, Сефи, Заку и Тео, и моему мужу Робину, которые поддерживают меня во всех моих начинаниях. Я вас люблю.

Т.Б., 2010 г.

*Посвящается Керстин
и Луису Спаррам с любовью*

Жадность, за отсутствием более подходящего эпитета, — это хорошо.

Жадность — это правильно.

Жадность срабатывает.

Жадность проясняет, выявляет и определяет сущность эволюционного духа.

Жадность во всех ее формах: жадность к жизни, к деньгам, любви, знаниям — стала движущей силой прогресса.

Гордон Гекко. Уолл-стрит. 1987 г.

Пролог

Нью-Йорк, 15 декабря 2009 г.

Срок расплаты настал.

Боги потребовали жертвы. Человеческой жертвы. В Древнем Риме захваченные в плен вражеские вожди подвергались ритуальной казни — удушению на поле боя перед статуей Марса, бога войны. Собравшиеся приветствовали казнь одобрительными криками, требуя не справедливости, но мести. Крови.

Здесь не Древний Рим.

Это современный Нью-Йорк, вечно бьющееся сердце цивилизованной Америки.

И все же он походит на Рим.

Потому что постоянно находится в состоянии войны.

Город страдающих озлобленных людей, которым необходимо винить кого-то в своих страданиях. В своей боли.

Сегодня человеческая жертва будет принесена в холодно-равнодушных, клинически-опрятных стенах манхэттенского уголовного суда.

От этого жертвоприношение не будет менее кровавым. Обычно бригады телевизионщиков и орды упивающих чужим горем зевак слетались сюда только на те процессы, где судили убийц. Сегодняшний ответчик Грейс Брукштайн никого не убила. Во всяком случае, лично. И все же немало жителей Нью-Йорка порадовались бы, если бы миссис Грейс Брукштайн

угодила на электрический стул. Этот сукин сын, ее муженек, надул их. Обвел вокруг пальца. Он умудрился обмануть даже правосудие. Ленни Брукштайн — гори он в аду — имел наглость посмеяться в лицо богам. Что же, теперь боги будут убоготворены.

И человек, ответственный за это дело, — окружной прокурор Анджело Микеле, представитель народа, смотрел на противоположный конец зала суда, на будущую жертву. Женщина со спокойно сложенными на коленях руками, сидевшая на скамье подсудимых, ничуть не напоминала преступницу. Стройная привлекательная блондинка лет двадцати двух, Грейс Брукштайн была наделена ангельскими чертами милого ребенка. Подростком она занималась гимнастикой, и, став взрослой, держалась с грацией танцовщицы: идеально прямая спина, размеренные плавные жесты, грациозные движения.

Грейс Брукштайн выглядела хрупкой. Деликатной. Прекрасной.

Она была из тех женщин, которые неизменно пробуждают в мужчине инстинкт защитника. Вернее, могла бы быть таковой, если бы не украли семьдесят пять миллиардов: речь шла о самой крупной, самой скандальной афере в истории США.

Крах «Кворума», страхового фонда Ленни Брукштайна (молодая жена являлась совладелицей), нанес смертельный удар и без того искалеченной американской экономике. Тандем Брукштайнов погубил немало семей, обескровил целые отрасли промышленности и поставил на колени некогда великий финансовый центр Нью-Йорка. Они украли больше, чем Мэдофф*, но не это было самым подлым. В отличие

* Создатель финансовой пирамиды, бывший глава совета директоров биржи «Насдак» Бернард Мэдофф, приговорен к 150 годам тюремного заключения. — *Здесь и далее примеч. пер.*

от Мэдоффа Брукштайны обирали не богатых, а бедных. Их жертвами стали обычные люди: пенсионеры, семьи рабочих, и без того едва сводившие концы с концами. Какой-то молодой отец семейства, разоренный Брукштайнами, застрелился, не в силах вынести позора, когда его детей выбросили из дома, за который он больше не смог выплачивать кредит. И за все это время Грейс Брукштайн не выказала и тени раскаяния.

Конечно, были и те, кто утверждал, что Грейс невиновна в преступлениях, приведших ее на скамью подсудимых; что Ленни Брукштайн, но не его жена, стоит за аферой с «Кворумом».

Окружной прокурор Анджело Микеле презирал подобных типов.

Слюнявые либералы! Можно подумать, жена и совладелица не знала, что творится. Все знала! Все! Ей попросту было плевать! Она растратила чужие пенсионные фонды, сбережения, накопленные честным трудом за всю жизнь, деньги на обучение ребятишек... Только взгляните на нее! Разве так одевается женщина, которой безразлично, что из-за нее кто-то потерял свой дом?

В течение всего процесса пресса уделяла много внимания нарядам Грейс. Сегодня, на вынесение приговора, подсудимая выбрала белое платье от «Шанель» (7600 долларов), буклированный жакет в тон (5200 долларов), лодочки от «Луи Вюитона» (1200 долларов), сумочку (18 600 долларов), а также изысканное норковое манто, сшитое в Париже специально для нее: подарок мужа на годовщину свадьбы.

Утренний выпуск «Нью-Йорк пост» уже продавался на лотках.

Над крупным снимком входящей в здание суда Грейс Брукштайн бросался в глаза кричащий заголовок:

ПУСТЬ ЕДЯТ ПИРОЖНЫЕ!*

Окружной прокурор намеревался сделать все, чтобы на оставшуюся часть жизни Грейс Брукштайн забыла вкус пирожных. «Красуйтесь в своих мехах, леди. Сегодня вы надели их в последний раз...»

Анджело Микеле был высоким худощавым мужчиной лет сорока пяти, одетым в простой костюм от «Брук бразерс». Густые черные волосы, зализанные назад, напоминали блестящий шлем. Микеле слыл амбициозным профессионалом и строгим боссом: все помощники прокурора трепетали перед ним. В то же время он был хорошим сыном: что есть, то есть, этого не отнимешь.

Родители Анджело были владельцами пиццерии в Бруклине. Именно были, до того момента как Ленни Брукштайн «потерял» их сбережения и довел до банкротства. Слава богу, Анджело неплохо зарабатывал. Без его помощи родители просто оказались бы на улице, разоренные и обездоленные, как многие трудящиеся американцы. По мнению Анджело Микеле, тюрьма была слишком легким наказанием для Грейс Брукштайн. Но это только начало. И он — тот, кто надолго посадит ее под замок.

На скамье подсудимых рядом с Грейс сидел человек, чьей обязанностью было сдерживать Микеле. Френсис Хэммонд III, или Большой Фрэнк, как его прозвали в кругу нью-йоркской адвокатуры, был самым низкорослым в зале. Ростом пять футов четыре

* Фраза, якобы брошенная Марией-Антуанеттой (1755–1793): «У них нет хлеба? Пусть едят пирожные».

двойма*, он был чуть выше своей миниатюрной клиентки. Этот коротышка обладал мощнейшим интеллектом, до которого оппонентам было очень и очень далеко. Блестящий защитник с умом шахматного гроссмейстера и моралью подзаборного громилы, Фрэнк Хэммонд был Великой Белой Надеждой Грейс Брукштайн**.

Коньком адвоката были игры с присяжными, обличение и выявление страхов, желаний и предрасудков, о которых сами люди даже не подозревали, а также обращение всех эмоций в пользу подзащитных. Только за последние два года благодаря Фрэнку Хэммонду на свободе оказались двое подозреваемых в убийствах крестных отцов мафии и актер-педофил. Фрэнк брался только за сложные дела, и в числе его клиентов числились самые высокопоставленные особы, которым в начале процесса обычно грозили самые суровые приговоры.

В начале процесса Грейс Брукштайн представлял другой адвокат, но ее друг и доверенное лицо Джон Мерривейл настоял, чтобы она уволила его и обратилась к Большому Фрэнку.

— Ты невиновна, Грейс, — твердил Джон. — Мы это знаем. В отличие от остального мира. П-п-папарацци хотят, чтобы тебя повесили, колесовали и четвертовали, и все сразу. Фрэнк Хэммонд — единственный, кто сможет заткнуть им рты. Он гений.

Никто не понимал, почему Большой Фрэнк позволял Грейс Брукштайн каждый день являться в суд

* Приблизительно 153,5 см.

** Так называли чемпиона мира по боксу Джима Джеффриса, белого, который долгое время отказывался драться с черным чемпионом Джеком Джонсоном. В поединке победил Джонсон, что вызвало бесчисленные погромы, избиения и убийства негров по всей Америке.

в таких вызывающих нарядах. Туалеты, казалось, были сшиты специально, чтобы раздражать представителей прессы, не говоря уже о присяжных. Гигантская ошибка!

Но Фрэнк Хэммонд ошибок не допускал. И Анджело Микеле знал это лучше кого бы то ни было.

В его безумии была своя метода. Ее просто не могло не быть. Хотелось бы только понять, в чем ее суть...

Все же это не так уж и важно, думал прокурор. Сегодня день вынесения приговора, и выстроенная им линия обвинения безупречна. Грейс Брукштайн ждет крах. Для начала — тюрьма. Потом — ад.

Этим утром Грейс проснулась в гостевой спальне Мерривейлов с чувством глубочайшего покоя. Ей снился Ленни. Они находились в нантакетском поместье, самом ее любимом из всех дорогих, обошедшихся в миллионы долларов домов. Они гуляли в розарии. Ленни держал ее руку. Грейс ощущала тепло его кожи, знакомую шероховатость ладони.

— Все будет хорошо, дорогая. Верь, Грейси. Все будет хорошо.

Входя в зал суда рука об руку с адвокатом, Грейс едва не ежилась от ненависти толпы. Сотни взглядов буквально сверлили ее со всех сторон. Со всех сторон неслись свистки и оскорбления:

- Стерва!
- Лгунья!
- Воровка!

Но она цеплялась за то состояние покоя, в котором проснулась сегодня утром. В ушах продолжал звучать голос Ленни: «Верь, Грейси. Все будет хорошо».

Прошлой ночью Джон Мерривейл твердил то же самое по телефону. Благодарение господу, у нее есть Джон! Не будь его, Грейс попросту пропала бы! Все

покинули ее в трудный час: друзья и даже родные сестры.

Крысы побежали с тонущего корабля.

Именно Джон Мерривейл едва не силой заставил Грейс обратиться к Фрэнку Хэммонду.

В данный момент адвокат произносил заключительную речь перед присяжными. Неукротимый маленький человек гордо расхаживал взад-вперед перед присяжными подобно петуху на скотном дворе. Из его разглагольствований Грейс были понятны только отрывки. Суть прений сторон оставалась для нее недоступной. Но она точно знала — защитник добьется оправдания. Тогда, и только тогда, начнется ее настоящая работа.

Выйти из суда свободной? Это только начало. Предстоит еще обелить свое имя. И имя Ленни. Как же она тоскует по мужу! Почему Господь захотел отнять его у нее? Почему всему этому суждено было случиться?

Фрэнк Хэммонд закончил говорить.

Настала очередь Анджело Микеле.

— Господа присяжные заседатели! За последние пять дней вы услышали немало сложных юридических споров. Достаточно веские аргументы приводились как мной, так и мистером Хэммондом. К сожалению, избежать этого было невозможно. Масштаб мошенничества в «Кворуме» — семьдесят пять миллиардов...

Анджело помедлил, чтобы до каждого из присутствующих дошла вся невероятная величина этой суммы. Даже после постоянных повторений размер аферы не переставал поражать.

— ...означает, что дело весьма запутанное. И тот факт, что эти деньги девались неизвестно куда, не облегчает положения. Ленни Брукштайн — мошенник. Однако глупцом его не назовешь. Как и его супругу,

Грейс Брукштайн. Содержание документов, найденных в «Кворуме», настолько запутанно и неясно, что, говоря по правде, деньги могут вообще не найтись. Даже то, что от них осталось.

Микеле с неприкрытым презрением уставился на Грейс. Две дамы из присяжных последовали его примеру.

— Но позвольте объяснить вам, что самое простое в этом деле — мотив. Алчность.

Пауза.

— Высокомерие.

Еще одна.

— Ленни и Грейс Брукштайн считали себя выше закона. Как многие им подобные богатые банкиры с Уолл-стрит, которые насильовали и грабили нашу великую страну, крали деньги налогоплательщиков, ваши деньги, и с бесстыдной расточительностью выбрасывали их на ветер, Брукштайны не верили, что правила, обязательные для маленьких людей, относятся и к ним. Хорошенько посмотрите на миссис Брукштайн, леди и джентльмены. Видите ли вы перед собой женщину, сознающую, как страдают простые граждане этой страны? Видите ли вы женщину, которой есть до этого дело?

Лично я — нет.

Я вижу женщину, рожденную в богатстве и роскоши, вышедшую замуж за богатство и роскошь, женщину, которая считает богатство — непристойное богатство — правом, данным ей Господом.

Наверху, на галерее для зрителей, Джон Мерривейл прошептал жене:

— Эт-то не речь прокурора. Эт-то охота на ведьм.

— Грейс Брукштайн была партнером в «Кворуме», — продолжал Микеле. — Равным партнером. Она ответственна за дела фонда не только по закону, но и с точки зрения морали. Не стоит заблуждаться:

миссис Брукштайн знала обо всех действиях мужа. Поддерживала и ободряла его.

Не позволяйте внешней сложности этого дела одурочить вас, леди и джентльмены. Если отбросить юридический жаргон, бумажную волокиту и все офшорные банковские счета, а также манипуляции с ними, случившееся имеет весьма простое объяснение. Грейс Брукштайн воровала. Воровала из жадности. Воровала, полагая, будто ей все сойдет с рук.

Он в последний раз взглянул на Грейс.

— Она и сейчас так считает. Ваша обязанность доказать, что эта дама ошибается.

Анджело Микеле сел.

Что же, его выступление было блестящим, куда более ярким и красноречивым, чем речь Фрэнка Хэммонда. Судя по виду, присяжные были готовы разразиться аплодисментами.

«Если бы он не пытался уничтожить меня, я бы его пожалела. Бедняга. Он так старался! Возможно, повстречайся мы при других обстоятельствах, могли бы стать друзьями».

В ложе для прессы все были уверены в том, что присяжные попросят день на обсуждение. Гора доказательств по делу была такой гигантской, что они просто не смогут управиться быстрее.

Но, к всеобщему удивлению, меньше чем через час присяжные вышли из совещательной комнаты.

Как и предсказывал Фрэнк Хэммонд.

— Вы вынесли вердикт? — осведомился судья.

Председатель, афроамериканец лет пятидесяти, кивнул:

— Да, ваша честь.

— Итак, виновна ответчица? Либо невиновна?

Председатель в упор уставился на Грейс Брукштайн.

И улыбнулся.

КНИГА I

Глава 1

— Что думаешь, Грейси? Черный или синий?

Ленни Брукштайн поднял повыше оба костюма. Стояла ночь накануне благотворительного бала в «Кворуме», самого статусного ежегодного мероприятия в Нью-Йорке, и супруги решили пораньше лечь спать.

— Черный, — обронила Грейс, не поднимая глаз. — Классический стиль.

Она сидела за бесценным туалетным столиком орехового дерева в стиле Людовика XVI, расчесывая длинные светлые волосы. Палевый шелк пенюара от «Ла Перла», купленный Ленни на прошлой неделе, льнул к идеальному телу гимнастки, подчеркивая каждый изгиб.

«Счастличик я», — подумал Ленни и рассмеялся.
Не то слово!

Ленни Брукштайн считался некоронованным королем Уолл-стрит. Родился он отнюдь не в королевской семье.

Зато теперь каждому американцу был знаком этот тяжеловесный пятидесятивосьмилетний мужчина: жесткие седые волосы, нос, сломанный в детской драке, но так и не выправленный (К чему? Он же победил!), умные янтарные глаза. Он был почти так же известен, как дядя Сэм или Роналд Макдоналд. Собственно говоря, Ленни Брукштайн во многом и воплощал собой Америку. Амбициозную. Трудолюби-